

АЛЬДОНА БРАН

ЛЕДЯНОЙ
ВЗМАХ

18+

Альдона Вран
Ледяной взмах

«Автор»

2026

Вран А.

Ледяной взмах / А. Вран — «Автор», 2026

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ В этой книге присутствуют сцены сексуализированного насилия. Автор не оправдывает поведение героев. Это художественное произведение, в котором также затрагиваются последствия травматического опыта. История не стремится оправдать жестокость, но может показаться захватывающе мрачной. Пожалуйста, будьте бережны к себе во время чтения. Если вы не знакомы с жанром «дарк-роман», отнеситесь к книге с осторожностью. Если же вы решитесь перевернуть страницу — будьте готовы к тому, что эта история может оказаться ближе, чем вы ожидали.

ДИСКЛЕЙМЕР Действие разворачивается в условной альтернативно-исторической реальности, вдохновлённой эпохой удельной Руси (X–XIII века). Автор не стремится к исторической точности и не претендует на документальное изображение эпохи. Посвящается каждой, кто желает встретить своего палача. Того, чьё имя лучше не знать. Того, чьего взгляда лучше не искать. Того, кто отсечет не голову, а сердце. Холодно. Тихо. Неотвратимо.

© Вран А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Яр	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Альдона Вран Ледяной взмах

Глава 1

*«Старые люди говорили: коли лёд с
дождём падает на землю прежде
срока, жди перемен недобрых.
В тот день одна душа лишилась
головы, а другая — покоя».*

Из сказаний о Ледяном Взмахе, свиток I, обуглённый фрагмент

Зара

Казни я ненавидела с детства. Не потому, что боялась крови. Просто однажды казнь уже отняла у меня близкого человека. Но сегодня я случайно оказалась рядом, возвращаясь с прогулки. Сначала хотела пройти мимо, но потом поняла, что путь к терему как раз пролегает через лобное место. Переждать было всяко лучше, чем протискиваться сквозь толпу.

Я накинула капюшон мантии и как можно дальше потянула его вперед, чтобы меня никто не заметил. Быть княжной не так легко, как многие думают. Откуда-то сверху пронеслась капля и упала мне на руку. За ней - другая. Я задрала голову и посмотрела на небо. Тяжёлые серые облака нависли над крышей терема так низко, словно хотели придавить его к земле. Ветер гнал редкие жёлтые листья, и те кружились между людьми, цепляясь за сапоги и полы кафтанов, будто не желали умирать вместе с уходящей осенью. Справа меня пихал мальчик, который то и дело выпячивал голову, наблюдая за тем, что происходит впереди, с вытаращенными глазами.

Я до последнего не смотрела в сторону казни. Но любопытство взяло верх, когда толпа вдруг стихла. Перестала пересказывать друг другу подробности, гудя, словно комариный рой. Что заставило их всех умолкнуть? Сквозь вездесущие головы я кое-как разглядела помост. Старые доски потемнели от дождей и времени. Издали они казались почти чёрными. Я сощурилась при виде осужденного. Меня пугали лица людей перед смертью. В последние мгновения они становились удивительно настоящими. С них спадало всё: гордость, ложь, притворство, злость. Оставался только страх.

Но не это заставило толпу стихнуть. Не потому люди крестились, переглядываясь друг с другом. Не потому перестали смеяться и галдеть. Я нахмурилась и подалась вперёд, чтобы разглядеть получше. Толпа расступалась. Не перед князем. Не перед дружиной. Перед человеком в мантии. Он был почти вдвое выше всех вокруг. Его широченные плечи напоминали брёвна крепостных ворот. Странно, но первым делом я заметила не его рост. И не одежду. А то, как вел себя народ после его появления. Женщина, стоявшая возле помоста, поспешно отвела взгляд. Даже стражники словно становились осторожнее в его присутствии. И тогда я поняла. Это был он. Княжеский палач.

Он шёл неторопливо, и в этой неторопливости схоронилось что-то очень страшное. Казалось, тайна вот-вот вскроется, словно гнойник на теле прокажённого. На нём была длинная, тёмная мантия, почти сливавшаяся с пасмурным небом. Палач медленно поднялся на помост и одним ленивым движением скинул с себя мантию. Толпа, которая явно уже хорошо его знала, заохала и заахала, словно он предстал перед ними впервые. Внушительные мускулы рисова-

лись на его огромном, мощном теле. Я ни у кого еще не видела таких мышц. Обычно богатыри любят выставлять напоказ силу. Но этот человек не был богатырём из былин. Он не нуждался в подобных лаврах и доказательствах. Потому на нем остался черный мешок с прорезями для глаз. Он не собирался снимать его. Никому не дано было знать палача в лицо. Никто не видел его без мешка и не знал, кто он на самом деле. Никто, кроме моего отца, князя Ратибора, и его приближенных.

Я ожидала почувствовать отвращение. Но вместо этого ощутила любопытство. Неприятное. Почти болезненное. Словно смотрела на глубокую полынью во льду и понимала, что нельзя подходить ближе, однако всё равно не могла отвести глаз. Кожа покрылась мурашками, когда я вспомнила, как женщины шептались о нем на кухне. И замолкали, едва замечая чужие уши. Я не могла больше смотреть на палача. К горлу стала подступать тошнота. Я сглотнула и дабы отвлечься, перевела взгляд на смертника. Мужчина ещё недавно что-то кричал, вырывался из рук стражников, сыпал проклятиями направо и налево, но стоило ему поднять голову и увидеть палача, как слова застряли у него в горле. Все заметили, как сильно изменилось его лицо. Я увидела даже издали. Страх пронзил его, словно нежданная стрела врага, решившего напасть ночью. Перед ним стоял тот, кто вот-вот задует свечу в его доме. Навечно.

Мужчина побледнел, попятился. А затем неожиданно рухнул на колени. Толпа засуетилась пуще прежнего, под помостом прокатился удивлённый шёпот.

— Нет — донеслось до меня.

— Прошу, - его голос дрожал, — Помилуйте!

Но смотрел он не на князя. Не на священника. Не в толпу людей. А на одного лишь человека с тёмным мешком на голове. И больше всего меня поразило то, что палач даже не шелохнулся. Он стоял неподвижно. Как ледяное изваяние. Как огромный дуб посреди поля во время зимней бури. Ветер трепал его валяющуюся на помосте мантию, еще чуть-чуть и подхватит ее и унесет прочь. Но ему до этого не было дела. Листья кружились у ног, над городом тяжело нависало серое небо, а он словно существовал отдельно от всего этого.

Тут вдруг из толпы выскочила женщина и громко завопила, упав перед палачом на колени.

— Смилуйся, добрый князь, - выла она, - Прошу, остановите это злодеяние. Народ засуетился. Стражники поспешили схватить ее. Она вырывалась, но те крепко держали ее за руки. Наверное, на них останутся синяки.

— Твой муж - вор! - раздался одинокий крик откуда-то из толпы. Больше никто не сказал ни слова. И тогда отчаявшаяся женщина обратилась к чудовищу. Слезы градом хлынули из ее глаз.

— Прошу, не убивай его, грозный палач! - молила она сквозь непрерывное рыдание, - Пощади меня, пощади деток малых, не оставляй сиротами некому их кормить будет!

Но палач ничего не ответил. Он молча поднял топор. С ледяным взором. С холодным безразличием. Движением, лишенным чувств. Ледяным взмахом. Он опустил руку, отсекая осужденному голову. Она отлетела, покатила по помосту, словно гнилое яблоко, выброшенное и ненужное. Несколько мгновений народ не двигался. Казалось, ветер стал холоднее, порывистее. Все стояли, как вкопанные, даже жена казнённого не шелохнулась. Только палач медленно приблизился к валяющейся голове, наклонился, чтобы поднять. С прежним холодом он положил ее в мешок и отправился прочь, так, будто ничего не произошло. Народ потоптался на месте какое-то время, перешептываясь и обсуждая случившееся между собой. Но вскоре люди начали расходиться восвояси. Только женщина распласталась на помосте возле мертвого мужа. Так, будто умерла вместе с ним.

Я сидела возле окна и наблюдала, как за ним бушевал ледяной дождь. Он тихо стучал по кровле терема, по деревянным стенам, по узким слюдяным окнам, превращая весь двор в тёмное царство блеска и сырости. Голые ветви яблонь в саду покрылись прозрачной коркой льда и теперь казались выкованными из стекла. Внезапно одна ветвь проломилась под тяжестью ледяного навеса. Я шумно выдохнула и сжала пальцами переносицу. Перед глазами до сих пор всплывало страшное зрелище. Казнь. Взмах палача. Отсеченная голова. И женщина, плачущая над телом мужа. Я подошла к зеркалу, чтобы расчесать волосы и отвлечься от дурных воспоминаний. Взяла гребень, уселась поудобнее. В стеклянном полотне отразились острые черты лица, точеные скулы, голубые, с желтыми вкраплениями, глаза и светло-русые волосы. Я была очень худенькой девушкой. Потому смастерить сарафан на меня было крайне трудно. Этот, желтый, как солнышко, с голубыми узорами, создали самые искусные мастерицы нашего княжества. Дополняли его украшения в виде кокошника с белыми бусами.

— Как поживает моя дочурка? - внезапно раздался голос отца за спиной.

— Батюшка! - громко обрадовалась я. Вскочила, развернулась и поспешила к нему с распростертыми руками. Князь по-отечески нежно засмеялся и ответил крепкими объятиями.

— Представляешь, сегодня волею судьбы мне довелось побывать на казни, - поделилась я с ним, - твой палач - настоящий изверг! Жестокий человек. Я чуть не подавилась воздухом, пока в красках рассказывала ему о приключившемся с его женой и детьми горе.

— Она молила его, захлебываясь рыданиями. Но тот оказался таким бесчувственным! таким холодным! Был бы ты там, ты бы ее выслушал, смягчил свое наказание. Пощадил бы юродивого. Я была не в силах сдерживать порыв чувств. Одна слезинка все-таки просочилась сквозь мой правый глаз, как бы отчаянно я не пыталась запретить себе плакать перед отцом.

— Ведь пощадил бы? - спросила я, чтобы убедиться наверняка, на миг выскользнув из-под его объятий. Князь слегка призадумался, но потом взглянул мне в глаза и с уверенностью кивнул:

— Конечно, Зара. С этими словами он вырвался из моих объятий и нахмурился.

— Мне некогда. Много дел, родная. Сходи к матери, побеседуй с ней. Полегчает.

— Угу, - ответила я, когда тот уже выходил из моих покоев. И послушно отправилась вслед за ним. Оказавшись в коридоре терема, отец свернул направо, как я поняла, он должен был созвать вече, в той стороне всегда проходили собрания. Я же повернула налево, собираясь идти в покои матушки, княгини Устины. Но остановилась, когда в голову вдругорядь ударила добрая мысль.

Что если я найду эту женщину и ее детей, и помогу им? Мне захотелось добыть для них немного теплой одежды и еды, чтобы дети не питались одними лишь остатками хлеба. Черствого, как тот бездушный палач. С этими мыслями я вернулась в свои покои, надела черную мантию и направилась исполнить свою волю. Лишь позже я поняла, что мне не следовало этого делать. Княжеские дочери не ходят по хозяйственным дворам после захода солнца. Тем более в такую погоду. Но я знала, что в нижней части крепости находится кладовая, где хранились припасы для бедняков. Иногда отец велел выдавать им муку или сушёную рыбу, чтобы избежать бунтов и лишних разговоров. Я хотела распорядиться, чтобы той женщине тоже что-нибудь отправили. Хотя бы на зиму. Хотя бы детям. Это было глупо. Этого было недостаточно. Но ничего другого я сделать не могла.

Ледяной дождь барабанил по крыше переходов. Пламя свечи вздрагивало на каждом повороте. Толстые брёвна стен впитывали свет, узкие оконца почти не пропускали его внутрь, а сейчас, коридоры и вовсе напоминали длинные тёмные кишки какого-то огромного зверя.

Однако, к моему счастью, они были почти пусты. Лишь изредка навстречу попадались слуги. Но я все равно то и дело оглядывалась по сторонам.

Я уже собиралась свернуть к лестнице, ведущей вниз, когда впереди послышались шаги. Медленные. Тяжёлые. Я замерла посреди коридора и прислушалась. Шаги приближались, и они точно принадлежали кому-то очень грузному и отнюдь не безобидному. Я замешкалась, забежала глазами по коридору в попытках найти убежище. Справа стояли большие дубовые сундуки, накрытые грубой холстиной. Между ними и стеной оставалось немного места. Недолго думая, я проскользнула туда и прижалась спиной к холодному дереву.

Сердце колотилось так громко, что мне казалось, будто его услышат на другом конце коридора. Шаги становились всё ближе. Я сама не понимала, отчего вдруг испугалась. Ведь я была княжной. Находилась в собственном доме. Мне нечего было бояться. И всё же отчего-то страх медленно поднимался внутри и рос, и рос...

За окном ударил ветер. Где-то наверху скрипнули балки. Шаги приблизились ещё. А потом остановились. Совсем рядом. Я задержала дыхание.

Ничего не происходило. Тишина становилась всё тяжелее. Настолько тяжёлой, что я уже начала сомневаться, действительно ли слышала кого-то. Может быть, человек просто прошёл мимо? Может быть, мне померещилось? Я осторожно подалась вперёд и выглянула из своего укрытия. Коридор был пуст. У меня вырвался облегчённый выдох. Глупая. Испугалась неизвестно чего.

Я уже собиралась выйти из-за сундуков, когда за спиной вдруг раздался низкий мужской голос:

— Странное место для прогулок вы выбрали.

Внутри меня всё оборвалось. Я резко обернулась. Лучина дрогнула в руке. Он стоял всего в нескольких шагах. Палач. Так близко, что я не понимала, как могла не услышать его приближения. Высокий. Невероятно высокий. Он показался мне еще выше, чем на казни. Широкоплечий настолько, что тёмный коридор рядом с ним казался тесным. Лицо его по-прежнему скрывал чёрный мешок с прорезями для глаз.

— Разве княжне подобает находиться здесь одной после захода солнца?

На мгновение мне показалось, будто ледяной дождь вошёл вместе с ним под крышу терема. Словно я укрывалась от бури и вдруг обнаружила, что стою в самом её сердце.

Глава 2

*«Кровь на снегу заметна каждому.
Кровь на совести — почти никому.»
Из сказаний о Ледяном взмахе, -свиток II*

Зара

Напуганная до чертиков, я стояла, наблюдая, как он медленно закатывает рукава. Будто собирается казнить меня. Я с опаской заглянула в его глаза. Они казались черными. Взгляд был устремлен куда-то ниже моего подбородка.

— Мне нужно пройти.

Я сделала шаг в сторону, намереваясь обойти его, но он не сдвинулся. Словно был уверен, что я остановлюсь перед ним. И я действительно остановилась. Сердце неприятно ударило в груди.

— Я уже сказал, - твердо произнес он, - Вам не подобает здесь находиться. Возвращайтесь в свои покои.

— Я здесь княжна, - прикрикнула я, и мой голос сорвался, - я раздаю приказы.

Страх перерос в злость и негодование. Но сколько бы я ни хорохорилась, он не собирался пропустить меня вниз.

— Это возмутительно! Я позову батюшку и... и... - я вдруг поняла, что не смогу пожаловаться ему, ведь сама нарушила все правила. И он обязательно накажет меня, если узнает. По меньшей мере, приставит ко мне тучу дружинников, чтобы те охраняли и наблюдали за каждым моим шагом. Обида хлестала через край, и я была уверена, что стою вся пунцовая от ярости.

— Ваши щеки зарделись алым. Оттого ли, что предстал перед Вами в таком виде, - он указал пальцем на свой оголенный верх, и в этот миг я уже не сомневалась, что меня было не отличить от спелого помидора. Противным было то, что я не видела его лица, не понимала, он смеется надо мной?

— Ничуть, - ответила я и со всей злостью топнула ножкой. Осознав, что мне до него не достучаться, я развернулась и хотела было уйти, но...

— Сегодня на площади, — вырвалось у меня прежде, чем я поняла, что не стоило продолжать разговаривать с этим грубияном, — Та женщина.

Я снова повернулась к нему и вдругорядь заглянула в глаза. Он все время смотрел не в лицо, а только на мою шею. И от этого становилось так жутко и так тошно, что я то и дело потирала шею рукой, как будто она могла как-то защитить.

— Тебе не было жаль ее? - я знала, что пожалею об этом разговоре. Уже пожалела.

— Её муж был осуждён, - холодно ответил он.

— Он умолял, - настаивала я.

— Все умоляют. Я вздрогнула от этой простоты. От этой невозмутимости. От того, как легко и спокойно он произносил свои слова.

— Ты не ответил ей, — сказала я тише. — Ты даже не...

Я не договорила. Потому что вдруг поняла: я сама не знаю, что именно он не сделал.

— Вам не стоит думать об этом, княжна.

Он говорил так, будто имел право решать, о чём мне думать. Гнев опять разыграл во мне черной бурей. Разум померк. Я резко подняла голову.

— Это мой город. Мой!

Мои слова прозвучали увереннее, чем я себя чувствовала. И на мгновение мне показалось, что он отступит. Но он не отступил. Я заметила — впервые ясно — как близко он стоял. Слишком близко для разговора с княжной. Страх вцепился в горло крепкой хваткой. Будто его глаза, стремящиеся к моей шее, на мгновение обрели руки и дотянулись до нее. *Не трусь, Зара, он тебя не тронет.*

Я отвела взгляд первой. Повернула голову направо, сглатывая. Это было поражение. Я проиграла.

— Больше не пытайтесь пройти вниз, — сказал он вдруг, - никогда.

Я сызнова взглянула на него.

— Это приказ? - ухмыляясь, спросила я.

Мгновение он молчал, а затем коротко ответил:

— Предупреждение.

И наконец сделал шаг в сторону. Вот и все, путь свободен! *Вот он, проход — иди вперед. Чего ты медлишь, Зара?* Но я стояла как вкопанная. Не сдвинулась с места даже после того, как он прошел мимо меня, рассекая воздух и оставляя после себя запах железа и крови, въевшейся в одежду. Так, словно ветер подул на меня прямо с места, где только что казнили человека. Не знаю, то ли, но что-то заставило меня послушать его и повернуть обратно, в сторону своих покоев. Неужели то была трусость? *Ну ничего. Если он думает, что я так просто сдамся, то он ошибается.*

С раздражением я тряхнула головой, коса отлетела за спину, и я побрела наверх. Вернувшись в свои покои, я расчесала волосы и приготовилась ко сну. Улеглась в постель и проворочалась там полночи. К рассвету злость не утихла. Я встала. Несколько часов бесцельно бродила по комнате, пыталась читать, наблюдала, как ветви за окном ломаются и падают от ледяного навеса. Но в голове вновь и вновь возникала женщина. И палач.

На утро мне в голову пришла дельная мысль. Я ехидно улыбнулась и отправилась на кухню. Там я могла бы достать хотя бы часть того, что было задумано. Кухарка недоумённо взглянула на меня, когда я набрала еды со стола. Я прижала палец к губам и сложила ладони в безмолвной просьбе.

— Только батюшке ни слова, — прошептала я.

Она покачала головой, но всё же отвернулась, делая вид, что ничего не заметила. А я, накинув мантию, отправилась искать жену казненного.

Мне запрещали ходить среди простого люда. Потому гуляла я всегда подле двора, неподалеку от терема. Раз сегодня я нарушаю все правила, то была не была. Пришлось послушаться батюшку и в этом. Стоило мне выйти за пределы княжеского двора, как я быстро поняла, насколько бесполезна моя мантия. Меня узнавали. Кланялись. Спешно отводили глаза. Старики снимали шапки. Женщины прижимали к себе детей. Даже мужики - и те почтительно склоняли головы. Будто я была не человеком, а одной из тех икон, что смотрят на людей со стен храма. От этого становилось не по себе. *Почему они меня боятся? Почему склоняются?* Я не выигрывала битв. Не строила городов. Не держала всех в страхе, не казнила никого, в конце концов. И всё же люди смотрели на меня так, словно я могла одним словом изменить их жизнь. Наверное, именно поэтому мне стало ещё стыднее за свёрток в руках. Слишком маленький. Слишком жалкий. Словно несколькими кусками хлеба я собиралась исправить чужое горе.

Тут вдруг откуда ни возьмись передо мной возникла худощавая женщина и кинулась мне в ноги.

— Княжна, спасибо за доброту Вашу, - она била челом о землю.

Я стояла в полном недоумении, глядя на женщину, в которой я узнала жену казненного вора.

— За то, что с голоду не дали сгинуть! - причитала она, схватившись за мои ноги, - За хлеб! Коли не вы, мы б впроголодь жили.

— Хлеб? Какой? Откуда?

Она, наконец, оторвалась от моих ног и потрудилась объяснить все, как следует.

— Мне передали. Сказали мол от Вас угощеньице. А вещи-то, а вещи!!! — тараторила она без умолку, - вещей-то сколько прислали! И Глебе в пору, рубашонка села - аккурат на него шили!

— Но кто? Кто передал? - допытывалась я.

— Не ведаю, доченька, - мужик какой-то приходил, грязный весь, будто из болота токма вылез!

Я потупила взгляд.

— Нате вот, - протянула я ей сверток с добытыми мною вкусностями, - еще угощение!

— Куда уж столько, доченька!

— Ничего! Хлеба много не бывает!

— Благослови тебя Господь, - теперь она принялась целовать мне руки, - доченька, что бы мы без тебя делали!

— Ну полно Вам, - я пыталась отцепиться от нее, возвращая обратно себе свои руки и пятясь назад.

— Здравья тебе крепкого, солнце! - приговаривала она!

— И вам не хворать, - бросила я ей напоследок, развернулась и пошла восвояси.

— Пушай у тебя все сбудется, добрая душа! - крикнула она мне вдогонку.

Я шла назад, хмуря брови и зло топча землю. *Никто не знал. Никто. Кроме него.* Мне захотелось самолично спросить его, зачем он это сделал. Не успела я опомниться, как уже шагала к темным лестницам, ведущим вниз. Дознаться, почему этот жестокий, гнусный изверг решил помочь бедной женщине? Еще и от моего имени.

Проходя мимо места нашей с ним встречи, я невольно содрогнулась всем телом, но назад не повернула. Спустилась по лестнице, прячась от лишних глаз. Свернула налево, затем возвратилась и направилась в другую сторону, в поисках палача. Но его нигде не было. Когда я уже сдалась, злость потихоньку стала отступать. Я вздохнула и собиралась было повернуть обратно, в свои покои, как вдруг за обветшалой деревянной дверью послышались душераздирающие стоны. Я вздрогнула. Оглянувшись по сторонам, приблизилась к двери и прислонилась ухом. Теперь изнутри слышались удары. Затем снова стоны, перерастающие в крики. Когда вопли прекратились, любопытство переполняло меня.

Терпение лопнуло. Сердце забило быстрее, когда я дотронулась до заскорузлой дверной ручки. Толкнула и...

Когда та отворилась, я не поверила своим глазам. Алый цвет пестрел на каждом шагу. Кровавые пятна тянулись по полу прямо до самых моих ног, словно лапы нечистой силы норовили схватить их, утащить на сторону Нави. Вдоль подгнившей стены тянулись цепи. Кругом висели плети, распластались измученные, полумертвые тела.

— Я же сказал Вам не приходить сюда, - раздался знакомый голос позади меня.

От этого голоса и зрелища, возникшего передо мной, меня затошнило. Я медленно опустила взгляд, не в силах больше смотреть.

— Господи - вырвалось у меня.

Я смутно слышала, как палач шагнул ближе. Затем обошел меня и встал напротив. Перед глазами плыло, я едва различала его внушительный стан и пресловутый мешок на голове. Я попятилась. Ещё шаг. И ещё... Пока спина не ударилась о стену. Только тогда я поняла, что отступать больше некуда.

Он остановился совсем близко. Слишком близко. Пальцы в кожаной перчатке медленно коснулись моей шеи. Лишь кончиками. Будто проверяя, жива ли я. А я и сама была в том не уверена. Сердце едва не выпрыгнуло из груди. Его рука скользнула чуть выше, к подбородку, заставляя меня поднять голову.

— Не стоит приходить в места, которые могут Вас напугать, княжна.
От его спокойствия становилось только страшнее.

— Кто... кто сделал всё это? — прошептала я.

Мой взгляд снова скользнул по цепям. По крови. По людям. По следам чужих страданий.

— Кто приказал? Кто?

Палач молчал. *Проклятье*. Зачем он снова разглядывал мою шею? Впивался своими черными глазами сквозь прорези этого пугающего мешка. И трогал ее так, будто вот-вот схватит, задушит, погубит хрупкое тело.

И тут в голове вдруг раздалось слова батюшки о том, что страх удерживает порядок лучше любой милости. По спине пробежал холод.

— Нет.

Я покачала головой.

— Это не он.

Но собственный голос прозвучал неуверенно. Палач медленно убрал руку от моей шеи.

— Вы сами знаете ответ, княжна.

Казалось, ничего не может быть хуже, чем зрелище, увиденное мною. Но самым страшным оказалось то, что палач был прав. Ответ я знала с самого начала.

Глава 3

*«Коли рука палача однажды дрогнула
над чьей-то шеей —
она уже не принадлежит ему.»*

Из сказаний о Ледяном Взмахе, обугленный фрагмент.

Яр

Раньше я никогда не встречал ее. Зачем палачу смотреть на княжну? Наши пути не должны были пересечься. Я слишком долго готовился, слишком долго ждал. Доселе в моей голове был только князь. И расплата. Я знал о ее существовании, но никогда не интересовался. Дочь князя, его тень, не более. Пока впервые не встретился с ней, в коридорах, где ее страх слился с безрассудством и глупостью. Когда я увидел это хрупкое, беззащитное создание, то понял, что она может мне пригодиться. Княжна всецело излучала наивность, доверчивость миру и людям. Это могло быть мне на руку. Такая мысль не была мне приятна. Однако месть редко идёт по прямой дороге. Иногда судьба подсовывает тебе другие инструменты. И одним из них могла стать княжеская дочь.

В тот вечер я думал именно об этом, стоя среди княжских людей. В большом зале, где проходило собрание, было жарко. Поленья приятно трещали в очаге. Служанки молча разносили кубки, косо поглядывая на меня. Никто не замечал под мешком на голове моей привычной ухмылки.

Князь смеялся. Громко. Будто за стенами терема не было ни крови, ни плетей, ни обреченных на смерть людей.

Я не должен был здесь находиться. Но всю грязную работу князь поручал мне одному. Потому я стоял у стены, как всегда, невидимый, удобный. Палач, не задающий лишних вопросов. *Подожди, князь, ты еще не знаешь, кто я на самом деле и почему молчу в ответ на все твои зверства.*

Князь поднял кубок. Огонь отразился в золоте. На мгновение мне почудился запах дыма, едкого, навсегда ввевшегося в мою кожу. Болезненные воспоминания хлынули резко, точно кровь из перерезанной шеи. Пальцы сами собой сжались в кулак. В памяти мелькнул женский крик. Затем детский плач.

Я отвернулся, чтобы отвлечься. За окном темнело небо, пуше прежнего погружая меня в тот злосчастный день. Снова крик. Ее крик. Некоторые голоса память не отпускает, даже спустя годы.

— Выпей с нами, Яр! — крикнул кто-то из дружинников, вынимая меня из омота дурных мыслей.

Нет, с вами я пить не буду. Я мотнул головой, но князь не любил, когда кто-то отказывался пить. Потому я повернулся к нему и поклонился, прижимая правую руку к сердцу. И только одному мне было заметно, как кулак сжался до побеления. Князь лишь усмехнулся. Он всегда делал это одинаково, так, будто знал больше остальных. Намного больше.

Затем князь кивнул в мою сторону. Намекая, что пора закончить начатое. Казнить пленных, что ждали своей участи в подземелье. Всех. До единого. Это не должна была быть прилюдная казнь. Мне поручили убить их тайно, как и всех остальных, тех, кого отметил князь.

Я спустился в подземелье, приказал вывести их в темную часть двора. А сам забрал топор и отправился в другую сторону. Мне нужно было выпить что-то крепкое. Когда я вышел из терема, холод мгновенно окатил лицо ледящей волной. Я запрокинул голову. Тяжёлые тучи

снова нависли над городом. Вдругорядь шёл ледяной дождь. Тяжелые капли падали и звенели, ударяясь о крыши, а люди торопились спрятаться под навесами. Такой дождь не любили. Говорили, он приходит перед бедой. У нас беда тянулась уже третий день. Но мне было всё равно на эти рассказы.

Я направился в сторону корчмы, чтобы взять себе крепкий напиток и растворить в нем боль далеких лет. Шел, уставившись в землю, и раздумывал над дальнейшими действиями, которые могут помочь воплотить мой замысел. А когда поднял голову, вдруг увидел её. Княжна шла за пределами двора. Одна. Без сопровождения дружинников. Без здравого смысла. Как всегда.

Я нахмурился. После увиденного в подземелье она должна была сидеть в своих покоях. Бояться, плакать, трястись, как осиновый лист. Но княжна будто не умела делать то, что от неё ожидали. Я вновь задумался над тем, какой безрассудно смелой она была. Удивительно. Ведь боялась, но все время продолжала идти вперёд.

Она быстро пересекла двор и скрылась за воротами. Я двинулся следом. Если она снова сыщет себе беду на голову, я точно не смогу ею воспользоваться. После казни она отправилась искать вдову. После подземелья ей снова захотелось влезть, куда не след? Она совала свой маленький носик куда не надо слишком часто. И задавала чересчур много вопросов. Для дочери князя. Наивная, взбалмошная княжна, выросшая в любви и заботе.

Ты слишком доверчива. Думаешь, мир такой безобидный, беззлойный? Как в прочтённых няньками сказках, которые ты хоть и слушала вполуха, но запомнила. Ты слишком мало боишься, княжна. Ничего, я покажу тебе, каков мир на самом деле. Уже показал. Дважды. Наши встречи прошли незабываемо, особенно для тебя. Люди всегда меняются в страхе. Дышат иначе, двигаются по-другому. Я чувствовал, как ты изменилась. Чувствовал притягательный запах твоего страха, маленькая ласточка. А какая у тебя красивая шея, когда ты боишься. Как напрягаются на ней твои изящные, тонкие вены. Я привык смотреть на шею и головы. Это стало частью моей работы. Но твоя шея на плахе смотрелась бы никудашно. Она была создана, чтобы ее рисовали лучшие живописцы Руси.

Ледяной дождь усиливался. Капли разбивались о землю тонкими осколками льда. Ветер теребил мантию княжны. Я ускорил шаг. Она подняла воротник выше. Оглянулась. На мгновение мне показалось, что она почувствовала взгляд. Нет. Опрометчивое, упрямое существо. Она совсем не похожа на своего отца. Эта мысль возникла в моей голове слишком внезапно. И мне она не понравилась.

Я подошел уже совсем близко. Казалось, еще чуть-чуть и она точно меня заметит. В этот момент над улицей раздался глухой треск. Я поднял голову. Старая вывеска корчмы. Прогнившая балка не выдержала тяжести льда. Дерево рухнуло вниз, падая прямо на княжну. Всё произошло слишком быстро, но я успел раньше. Отбросил топор в сторону, схватил её за руку и резко рванул на себя. Доски ударились о землю в том месте, где мгновение назад стояла она.

Грохот прокатился по улице. Княжна вскрикнула и врезалась мне в грудь. Несколько ударов сердца мы стояли неподвижно. Я чувствовал, как быстро она дышит, как дрожат ее пальцы, как колотится сердце. И это вызвало в моем теле странный отклик.

Потом она резко отстранилась и подняла голову. В её глазах смешались страх и злость.

— Ты?! - возмущенно прошипела она.

— Я.

Княжна посмотрела на разбитые доски. Потом снова на меня.

— Ты следил за мной?

Я промолчал. Её щеки вспыхнули, точно два пленительных огонька посреди темного леса.

— Зачем ты спас меня?

Ветер сорвал несколько ледяных капель с крыши. Они разбились между нами. Я посмотрел ей прямо в глаза.

— Не обольщайтесь, княжна.

Она нахмурилась.

— Что?

Я отпустил ее руку, медленно отходя от нее.

— Я сделал это не ради Вас.

Её худое, милое личико вытянулось. Вероятно, она ожидала другой ответ. Мне стало почти смешно. Почти.

— Тогда зачем?

Несколько мгновений я молчал. Дождь тихо шипел, словно ворчал на нас обоих.

— Потому что Вы нужны мне живой, - ответил я, шагнув в сторону и потянувшись за топором.

Она побледнела.

— Для чего?

Я взглянул на нее и задумчиво оперся на топор. Наклонил голову, изучая ее. И увидел, что она не может отвести взгляд от моих рук на древке.

— Когда придёт время, узнаете, - ответил я.

Потом спокойно закинул топор за спину и пошёл прочь. Не оборачиваясь. Только напрягся, услышав позади себя её сбитое дыхание.

Мне срочно нужно было оказаться в корчме. Чтобы выпить что-то очень хмельное. Что-то очень крепкое. Я должен забыться. А затем убить десятки невинных людей по приказу отца этой взбалмошной особы. Сделать то, что я делаю постоянно. Но впервые я не уверен, что дойду до конца этого приказа.

Глава 4

«И легло сомнение на сердце княжны, как петля — на шею приговорённого.»

Из сказаний о Ледяном Взмахе, свиток IV

Зара

Смятение. Иного слова для своего состояния я подобрать не могла. Оно преследовало меня с момента увиденного в подземелье. Я пошла к отцу, мне хотелось лично спросить его, что все эти люди делали в подземелье. Почему там висели цепи? Почему было столько крови? Зачем их пытали? Но чем ближе я подходила к его покоям, тем отчётливее слышала голоса. Я остановилась у двери. Отец говорил резко, раздражённо, почти срываясь.

— Сколько лет, — его голос ударил, словно одна из жутких плетей, всплывающих в памяти, — сколько лет ты не можешь дать мне наследника?

Я слышала, как моя мать, княгиня Устинья, вздыхает. Отец почти кричал на нее, его тон казался мне непочтительным. Мамин голос был тише, но в нём слышались усталость и напряжение.

— Это не так просто...

— Не так просто? — он перебил её.

— У других князей есть сыновья. Наследники. Продолжение рода. А у меня что?

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— У нас есть дочь, — сказала мать осторожно.

— Дочь, — он почти выплюнул это слово, - Дочь не удержит княжество.

Тишина сгушалась. Я отступила от двери, как будто меня со всей силой ударили плетью. Забыла, зачем собиралась войти, что хотела сказать отцу. Ушла оттуда, так и не осмелившись спросить его. Оставшись без единого ответа, напротив, вопросов стало только больше. Раньше мои мысли занимали лишь цепи, кровь, стоны. Теперь в голове звучал еще и голос отца: такой резкий, такой чужой. Он никогда не отличался заботой, однако теперь мне казалось, что... Я совсем не знаю его. Сажу в своих покоях, словно в темнице. Не выхожу дальше княжеского двора. Я ничего не знаю. Ничего.

Сутки я провела в раздумьях. Чувствовала себя очень плохо, к вечеру разболелась голова. Я пыталась отвлечься. Принялась вышивать, но укололась иглой и тотчас бросила это раздражающее занятие. Пыталась молиться. Но вместо молитвы перед глазами вновь и вновь возникало темное подземелье, пятна крови и... Человек в мешке. Я не могла даже просто смотреть в окно, в котором все еще бушевала непогода. То и дело возвращалась мыслями туда, вниз, к крови и цепям. Я пыталась найти хоть одну зацепку. Вспоминала прошлое. Но прошлого у нас с отцом и не было. Он редко интересовался моей жизнью, я виделась с ним лишь когда он заходил справиться о моем самочувствии. Дознавался, здорова ли я, и этим дело всегда заканчивалось. Раньше мне казалось, что у него много дел и не стоит отвлекать его разговорами. Я любила его. То есть, люблю. Наверное...

Я сидела, сжимая пальцами переносицу, не могла найти никаких ответов. И только к вечеру меня осенило. Прасковья. Моя нянька. Та, что когда-то качала меня на руках и говорила, что мир не так жесток, как кажется. Её казнили по приказу отца. За убийство. Так мне сказали. Я горько плакала в тот день. И даже сбежала на казнь. Пробыла там, пока не поймали. А поймали меня поздно, когда я уже успела увидеть, как голова дорогой мне женщины валялась на плахе. Но как-то, незадолго до обвинения, она успела шепнуть:

— Будь с мамой. Остерегайся батюшку.

И ещё что-то. Про него. Про моего отца. Тогда я была ребенком и ничего не понимала. Я верила отцу, хотя боль от ее смерти была настолько невыносимой, что я начала бояться казней и с тех пор не появлялась на них. Но сейчас... Сейчас у меня возникли некоторые подозрения. Я не стала медлить. Разузнала, где стоит ее изба. Дорога пролегла мимо рынка, мимо корчмы, в которой веселился и напивался до упаду народ. Если батюшка узнает что я ходила туда Он запрет меня на три замка и больше никогда не выпустит. Но я пошла. Я просто не могла не пойти. Накинула тулуп, следом мантию, и вышла из терема. Природа не успокаивалась. Ветки трещали, дождь все продолжал идти. Я шла быстро, кутаясь в мантию от ледяного дождя и размышляя о словах няньки. Настолько погрузилась в мысли, что не сразу услышала странный треск наверху. Сначала тихий. Почти сразу за ним последовал другой, уже громче. Я подняла голову и увидела, как прямо надо мной накренилась тяжёлая деревянная балка. На одно короткое мгновение я просто застыла. Опешила, не убежав и даже не вскрикнув. Сердце ухнуло куда-то вниз. А в следующий миг чья-то рука резко сомкнулась на моём запястье. Меня дёрнули с такой силой, что я потеряла равновесие. Перед глазами мелькнули мокрые доски, серое небо и чьи-то темные очертания. Грохот раздался одновременно с моим вскриком. Балка рухнула на землю в том самом месте, где я стояла мгновение назад. Несколько ударов сердца я не могла понять, что произошло. Лишь потом осознала, что уткнулась лицом в грудь человека, который держал меня за руку. Палач. Проклятье. Это снова был он. Откуда он взялся? *Он спас тебя, Зара. Но зачем?* Спросив его напрямую, я, конечно, разочаровалась в ответе. Он был холодным и неразговорчивым. Как подобает настоящему палачу. Закинув свой устрашающий топор за спину, он направился в корчму. Ошарашенная, я еще долго не двигалась с места. И даже когда пришла в себя, то не сразу вспомнила, куда направлялась. После случившегося я впала в еще большее смятение. *Зара, ты справишься. Тебе нужно в избу Прасковьи.*

Зайдя за угол, я увидела дом. Маленький, перекошенный. Так его старая служанка и описывала. Сразу за корчмой. *Вроде верно пришла.*

— Есть кто? - спросила я, постучав по деревянной двери. Никто не ответил. Тогда я принялась барабанить по прогнившим доскам сильнее.

— Полно колотить! - послышался мужской голос, - кто там?

— Это дом Прасковьи? - ответила я вопросом на вопрос.

— Она не жила здесь. Она жила при князе.

— Я знаю. Она была моей нянькой, - ответила я, рассматривая его лицо через щелочку, - впустите, пожалуйста. Это очень важно.

За дверью тяжело вздохнули. Послышался звук деревянного затвора, за ним скрип двери, и передо мной предстал юноша со светлыми волосами.

— Здравствуйте! - я добродушно улыбнулась.

— И Вам не хворать, - холодно бросил он, стоя передо мной босиком и в рваной рубашке, даже не предлагая войти.

— Вы родственник Прасковьи?

— Сын, - ответа длиннее я и не ждала.

— Можно? Войти... - скромно поинтересовалась я.

Юноша молча сдвинулся с места, освобождая проход, и я вошла внутрь. Убранство дома оставляло желать лучшего. Пол скрипел под ногами, будто жаловался на каждое движение. Стены были потемневшими от дыма и старости, местами с облупившейся глиной. В углу стояла печь, почти пустая. Тлеющие угли не давали ни тепла, ни света. Пахло сыростью, старой тканью и чем-то кислым, как от давно застывшей еды. *Неужели все в нашем княжестве так живут?*

— Вы, случаем, не ограбить меня пришли? - спросил юноша, и лицо его скукожилось от подозрений.

— Что вы, что вы, - я отрицательно замахала руками, а потом сняла с себя мантию, открывая его взору кокошник, украшенный драгоценностями, - я княжна.

Он молча кивнув, слегка удивившись. Но все же поклонился, потянувшись рукой сперва к сердцу, а затем - к полу. Я продолжила осматривать избу. Точнее, ее обветшалое подобие.

— Это вещи Прасковьи? - спросила я, указав на хлам в углу. Да. Я забрал их после ее казни.

— Я посмотрю?

— Пожалуйста. Но ничего интересного вы здесь не найдете.

Я аккуратно перебрала вещи, и к концу уже утратила надежду, как вдруг моему взору предстала интересная вещица. Это был сверток, который напоминал послание. Я развернула бумагу. Она была не официальной. Не приказ. И даже не письмо. Какой-то лежалый, порванный клочок. Слова были написаны быстро, без попытки придать почерку красоту. Бумага выглядела не просто потрепанной. Она оказалась прожженной, обугленной, как будто от нее пытались избавиться. Словно кто-то вытащил эту вещицу из огня в последний момент. «Она много знает.» Я перечитала строку несколько раз. Слова не выглядели угрозой. Они казались мне привычными на слух. Будто их уже произносили раньше на моей памяти. И не один раз. Я прищурилась, вгляделась в буквы. И в этот миг меня прошибло холодом. Потому что то, что я разглядела, очень походило на почерк отца. Я была не уверена, а порывшись в вещах еще, не нашла больше ничего. Никаких доказательств. Но этого было достаточно, чтобы зерно сомнения проросло в моем сердце.

Я сжала клочок, оглянулась и, убедившись, что юноша не смотрит, засунула найденное за пазуху.

— Вы правы, - обратилась я к сыну Прасковьи, - здесь ничего интересного. — Я говорил Вам. Когда я прощалась, голос почти сорвался от волнения. Я прокашлялась и направилась к выходу. — Всего хорошего, - сухо бросил юноша, спешно закрывая за мной дверь, - Ходят тут... Но я уже его не слышала. Думала только об этом клочке. Пыталась сложить всё в одну картину. Шла, глядя в землю и пиная камушки, встречающиеся на пути. Гляди, какая баба! - вдруг послышался грубый голос прямо передо мной. Не успела я поднять взгляд, как меня схватили и начали трясти. Мужик. Грязный. Пьяный. И похотливый.

— Ну хороша, хороша, - говорил он, не замечая, что плюется мне в лицо, - сюда, мужики!

— Пусти, - зажмурившись, я пыталась вырваться из рук, больше напоминающих большие куриные лапы.

— Отпусти ее, - раздался знакомый низкий голос совсем рядом.

Мужик побледнел. И сразу ослабил хватку. Даже не повернулся, ведь было достаточно одного голоса, чтобы узнать палача. *Его все здесь знают?* Услышав приближающиеся шаги палача, мужик молча отпустил меня и отступил без всякого сопротивления. Убрался вон, склонив голову.

— Вы попались мне на глаза второй раз за вечер. Не ждите, что на третий я Вас не выдам.

— Я бы и сама справилась, - фыркнула я, отряхиваясь, - тебя никто не просил вмешиваться.

— Нашли что-нибудь интересное? - по его голосу стало ясно, что он ухмыляется.

— Что? - я вопросительно посмотрела на него.

— Ну, Вы здесь околачиваетесь явно не с целью повеселиться, - он обвел пальцами корчму, из которой вываливались толпы пьяных людей.

— Тебя это не касается, - буркнула я и сделала шаг вперед, нарочно толкнув его плечом.

— О, княжна. Боюсь, Вы не правы, - он схватил меня и прижал к осиновому дереву, под которым мы стояли, - Князь прознал, что Вы уже послушались его единожды, выйдя за двор, к народу. Он приказал мне следить за Вами.

Я сглотнула. Он был не на шутку близко. Край мешка приподнялся, и мне казалось, что я уже почти вижу его губы. Я ощутила на себе его горячее дыхание с отчетливым запахом медовухи и холодный взгляд. Не знаю, чего я испугалась больше: что батюшка знает о моих выходах в люди или того, что палач-изверг был в шаге от...

— Вы пьяны, - отвернулась я.

— А Вы не заметили, что находитесь в месте, где трезвых не встречают? - прошептал он мне прямо в губы, рукой возвращая их поближе к своим.

Не выдерживая на себе его взгляд, я отвела глаза и увидела его исполинские мышцы на руках. Они выглядывали из-под меха, напоминая высоченные яры. Да он сам был точно скала. Возвышался надо мной, словно вот-вот обрушится с грохотом. На мгновение мне показалось, что я сама тянусь к нему, что хочу сорвать с него чертов мешок. Но то лишь на мгновение.

Не успела я снова попытаться остановить его, как он сам вдруг отпрянул, а затем я почувствовала, как холодный металл едва коснулся моего подбородка. Легкое касание, которого хватило, чтобы я вздрогнула. Деревянная рукоять давила на нежную кожу. Он приставил к моему подбородку топор. *Топор!* Я стояла не в силах пошевелиться, а страх разлился по всему телу ледяной волной. Он смотрел на меня сверху вниз. Спокойно. Слишком спокойно для человека, державшего топор у моего горла. Мой взгляд против воли скользнул к его губам. И тут же вернулся обратно. Но было поздно. Ведь он заметил. Я поняла это сразу. По тому, как дрогнул мешок у его рта. *Проклятье. Он точно заметил.*

— Бойтесь меня, княжна? — тихо спросил он.

Я вскинула подбородок. Настолько, насколько позволяла рукоять топора.

— Ненавижу.

Его без того черные глаза потемнели. И почему-то от этого ответа стало ещё страшнее. Несколько долгих мгновений он просто смотрел на меня. Будто о чём-то размышлял. Будто боролся с каким-то решением. А потом медленно провёл большим пальцем по моей щеке, стирая дождевую каплю. Я вздрогнула. Он тоже замер, будто сам не ожидал, что сделает это. И впервые за всё время мне показалось, что испугалась не только я. Он резко отступил, так, будто обжёгся. Затем развернулся и пошёл прочь. А я осталась стоять под дождём, прижимая ладонь к щеке. К тому месту, которого только что коснулись его пальцы.

Глава 5

«Даже у тех, кто привык держать мир на острие топора, находится одна трещина — через которую входит чужой свет.»
Из сказаний о Ледяном Взмахе, обугленный фрагмент

Яр

Я казнил множество людей не моргая. Но сегодня... Когда я спас эту хрупкую ласточку, то отчего-то впервые ощутил сомнение. По поводу того, стоит ли моя месть стольких жизней? Убью я или не убью обвиненного - это всегда игра случая. Если казнь прилюдная или князь приходит лично убедиться, проверить, считай, человек уже мертв. Его не спасти. В остальных случаях у меня обычно получалось разыграть казнь, не вызывая подозрений. Спровадить обвиненного, подделать бумаги. Потом спрятать спасенного в Холодном Лесу. *Делов-то.*

Но сегодня князь должен был присутствовать на казни. Он сказал, что задержится, но обязательно придет. Страшнее было только то, что пленными князя являлись мои соглядатаи. Люди, которые работали на нас с Туром. И если они умрут, то я себе этого не прощу. И тем более, этого не простят мне люди. Никто не любит палачей. Но все знают, что если палач поднял топор против князя — значит он не просто палач. Люди пусть и немного, но доверяют мне. А может, они просто настолько отчаялись, что готовы довериться человеку, который работает убийцей. Когда я зашел в заведение, галдеж мгновенно утих. Замолчали все. До единого. Они боялись меня.

— Уходи, Яр, - выпалил корчмарь, - тебе здесь не рады.

— Я ненадолго, - сухо ответил я, не обороняясь.

— Почему мы должны впускать сюда палача? - крикнул кто-то из толпы.

— Он отрубил сотни голов, - подхватили остальные.

Ну вот. Мой привычный вечер среди народа.

— А сколько из них он осудил? - тут вдруг послышался голос моего друга, громкий, уверенный.

Тур вышел из тени и улыбнулся, протягивая мне руку. Он то и помогал мне оправдать себя перед народом.

— Топор был его, - вновь выкрикнул какой-то мужик.

— Воля была княжеская, - вступался за меня друг.

— Мы должны доверять палачу?

— Он княжеский пес, - противостояли они.

— Почему мы должны вам верить?

Я промолчал. Тур тоже. Некоторое время мы просто смотрели друг на друга, а затем друг снова обратился к людям: Если вы не верите.

— Приходите сегодня ночью в Холодный лес, поглядеть на одного из тех, кому Яр помог избежать смерти, все, кто сомневается. Все, кто желает воочию убедиться. Яр - вам не враг. Он помогает.

После этих слов люди успокоились. Со всех сторон снова слышались гудеж и болтовня. Наконец, я мог спокойно выпить. Собираясь вогнать в себя пару кружек медовухи, я обратился к Туру:

— Как ты, друг? Да вот, живехонький, - ответил он, похлопывая меня по плечу, - сам как?

— Справляюсь, - выдохнул я, - сегодня предстоит казнить наших...То есть... Не знаю, как все пойдет.

— Не тревожься, - пытался подбодрить меня друг, - ты сделал все, что от тебя зависит. И даже больше. Если б не ты был палачом, смертей было бы куда больше.

Я ничего не ответил. Молча пригубил медовуху, пытаюсь забыться, и прикрыл глаза. Когда я выпил чуть больше, чем собирался, меня начало клонить в сон. Но я быстро пресек это желание.

— Князь наверняка уже ждет меня. Я должен идти, - попрощался я с другом, выходя из корчмы.

Я направлялся к терему, как вдруг услышал рев пьяного мужика.

— Гляди, какая баба!

За ним послышался свист. Я обернулся и увидел ее. Снова. Эту надоедливую, попадающую мне на каждом шагу, княжну. Вечно маячившую перед глазами.

— Отпусти ее, - раздраженно произнес я.

Мужику было достаточно моего голоса, чтобы испугаться и отступить. Княжна, конечно, поворчала, мол, спасать ее, оказывается, не нужно было. *Разумеется, не нужно, ласточка, пусть бы мужик надругался над тобой, а отец запер бы потом тебя до конца твоих дней. В лучшем случае. Ты ведь совсем не знаешь, на что он способен.*

Наш разговор с княжной я помню плохо. Очень смутно, потому как был жутко пьян. Зато я припоминаю, что мне хотелось сделать с ней кое-что, что я давно не делал с женщинами. Кое-что очень плохое. Кое-что очень непристойное. Впитаться в восхитительную шею губами. *Почему я раньше не замечал, насколько она прекрасна? Моя маленькая ласточка, я должен лишь использовать тебя, чтобы подобраться к твоему отцу. Должен, но отчего-то рядом с тобой я начинаю дышать по-другому. Я не могу оторваться от твоего милого личика. Отчего же, маленькая ласточка? Это медовуха играет в моем теле, дергая за ниточки? Или же у меня просто давно не было женщины?*

Я подумаю об этом позже. Сначала мне нужно разобраться с приказом твоего поганого отца. Я неохотно поплелся в сторону терема, чуть пошатываясь и потихоньку пытаюсь прийти в себя. Мне нужно было сделать вид, что я трезвый. Я завернул в сторону грязного переулочка, туда, где я обычно убивал тех, кого князь не мог приказать казнить прилюдно. Пленные, измученные и скованные цепями, уже ждали меня. И, вероятно, давно. Я не знаю, сколько времени прошло с моего приказа вывести их сюда. Мне стало дурно. Среди мучеников я разглядел знакомые лица, лица наших с Туром людей. Кулак сжался. Князя все еще не было. Я подумал, вдруг он все-таки не придет и мне удастся повернуть то, что обычно всегда получалось. Но вот послышался знакомый кашель, от которого на душе стало еще тошнотворнее. Из терема вышел князь. Он держал в руках яблоко так, словно вышел на прогулку между прочими делами. Другой рукой почесал затылок и по-хозяйски поинтересовался:

— Ну? Никто так и не признался?

Я молча покачал головой. Князь надкусил яблоко и подошел к одному из пленных. Он наклонился к связанному, измученному мужчине. Затем почти лениво ударил его по лицу и процедил сквозь зубы:

— Я спрашиваю в последний раз. Ты лазутчик?

Кровь стекала по подбородку страдальца.

— Скажи все, что знаешь, и будешь жив.

Я стоял неподвижно. Не палач. Трус. Я знал — даже если сейчас вмешаюсь, будет поздно. Но это не было оправданием. Пленник поднял на меня взгляд. Казалось, вот-вот и он сдаст меня князю. Расскажет все. Но он лишь улыбнулся. Я подошел к нему, взял в руки грязный от запекшейся крови топор. Князь отошел подальше. Несмотря на всю его жестокость и безразличие, он не любил наблюдать казнь. Отчего-то.

— Я умираю за свою жену и детей. Надеюсь, не напрасно, - тихо произнес безголосый пленник.

Все, что я мог сделать, это лишь шепнуть напоследок:

— Не сомневайся.

Ледяной взмах. И отсеченная голова пленника рухнула на землю. За ней точно так же посыпались головы других людей. Они тоже надеялись, что умирают не зря.

— Хоть жены с детьми пожрут.

Надо отдать должное князю, что еду он приказывал доставлять всем женам и детям казненных.

Я снова вернулся к терзающему меня вопросу. *А стоит ли моя мечь стольких жизней?* Раньше я бы ответил не раздумывая. *Да.* Но сегодня на плахе лежали не чужие люди. Погибли те, кто верил мне. Те, кого я не сумел защитить. Я поднял взгляд на князя. Он отвернулся и бросил яблоко в сторону. Оно полетело и угодило прямо между двух голов казненных. Будто он только что не погубил несколько человеческих жизней, будто этих людей вовсе никогда и не было. И тогда я понял. Если оставить всё как есть, завтра на их месте окажутся другие. Послезавтра — следующие. А потом и вся русская земля окончательно научится жить в страхе перед этим Иродом. *Нет.* Сегодня я похоронил своих людей. Но однажды я похороню князя. Чего бы мне это ни стоило.

Когда он окончательно скрылся за стенами терема, прибыло несколько нужных человек. *Здесь повсюду наши с Туром люди, князь, вплоть до казначея. И мы доберемся до тебя, обязательно. Когда разберемся с дружиной, боярами и союзниками.* Я отдал людям распоряжение сухо, как всегда: женам — хлеб и ткань из княжеских запасов, детям — тёплые вещи и еду. Чуть больше, чем должно. Слова падали в воздух, как тяжёлые капли железа.

Обычно после казней остаётся тишина, тяжёлая, но привычная, как хорошо знакомый запах дыма, который уже не режет глаза. Сегодня тишина не пришла даже после осознания, что нельзя было поступить по-другому. Когда всё было сказано, я остался стоять ещё мгновение, словно надеялся, что если задержусь здесь достаточно долго, мертвые вдруг воскреснут. Но этого никогда не случится.

Я повернулся и пошёл. Дорога домой тянулась через пустые улицы и дальше — за край города, туда, где земля становилась жёсткой, а трава - редкой, будто богиня Мокошь никогда не задерживалась в этом месте.

Дом стоял в пустоши, в противоположной стороне от Холодного леса, чтобы отвести подозрения. Ветер бил в спину, но не толкал вперёд — скорее напоминал, что я всё ещё здесь. Я шёл медленно, и каждый шаг звучал громче, чем должен был. Сапоги вязли в сырой земле, и в этом было что-то почти издевательское: будто сама земля не хотела меня отпустить.

Вскоре показались очертания старого дома, почерневшего от времени и ветра, и перекошенные стены, которые стояли так, будто держались не на брёвнах, а на привычке. Кроме меня здесь не обитала ни одна душа. Я остановился на мгновение. Посмотрел так, как смотрят на место, которое не называют домом, но всё равно возвращаются туда снова и снова. Я шумно выдохнул и вошел внутрь. Дверь за моей спиной закрылась резко, глухо, и на мгновение мне показалось, что вместе с этим звуком снаружи остались грязь, противное чавканье князя и кровь всех этих людей. Мне так хотелось. Внутри было холодно и пусто. *Вот бы в моей голове стало так же, как здесь. Для этого я должен был выпить. Снова. Много.*

Я прошёл вглубь дома, снял с плеч тяжёлый кожаный с меховыми вкраплениями плащ. Бросил его на крюк у стены, наблюдая, как медленно потекли капли, падая на деревянный пол. Затем я подошёл к дальнему углу, где стоял тяжёлый сундук. Крышка скрипнула, когда я открыл его, и запах старого дерева и спирта ударил в лицо. Там, среди тряпья и запасов, стояла бутылка. Початая. Я не помнил, когда оставил её открытой. И не стал вспоминать. Глоток обжёг горло. Потом ещё один. Мир не изменился, но стал чуть тише — или мне просто хотелось в это верить. Я сел прямо на лавку, не раздеваясь до конца, и сделал ещё несколько глотков, уже не считая их. Напиток разливался по телу тяжёлым теплом, притупляя края мыслей, стирая

лица, делая их менее чёткими, менее настоящими. На мгновение мне даже показалось, что это работает. Что я снова становлюсь пустым, таким, каким должен быть.

Но тут вдруг в мою голову полезла она. Княжна. Я выпил еще. И еще. Надеюсь забыть о ее существовании. Но напрасно. Мысли навязчиво возвращались к ней. *Почему именно ты? Среди сотен женщин именно ты упрямо лезешь мне в голову. Некстати. Не вовремя. Когда мне нужно размышлять о другом. Я должен заставить тебя сделать кое-что для меня и моих людей. Но... Почему-то я думаю совсем не об этом. Я вспоминаю твою шею. Твою хрупкую, напряженную шею, которую хочется сжать почти до удушья, отпуская в самый последний момент. И сливаясь в глубоком поцелуе. Я снова делаю глоток. За ним - еще один. Рука сама тянется вниз. Растегивая ремень, минуя грубую ткань. Перед глазами уже появляется приятная хмельная пелена. С губ срывается хриплый стон. Я закрываю глаза. И вижу тебя, маленькая ласточка. Взбалмошную княжну, которая не знает ничего, что находится дальше своих покоев. Княжну, которой стоит показать, какая жизнь на самом деле. И я обязательно покажу.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.